

A woman in a black dress stands in the center of a hallway made of mirrors, looking away from the camera towards a bright light at the end of the corridor. The mirrors create a series of reflections, making the hallway appear to stretch infinitely. The floor is also reflective, showing the woman's silhouette. The walls and ceiling are covered in ornate, dark frames. The overall atmosphere is mysterious and surreal.

Яра Гремлина

Старое трюмо

Яра Гремлина
Старое трюмо

«Автор»

2026

Гремлина Я.

Старое трюмо / Я. Гремлина — «Автор», 2026

Старинное трюмо в антикварном магазине Веры не просто показывает отражения. Оно оживляет тёмные версии тех, кто смотрит в его стекло. И однажды ночью тёмная Вера выходит наружу, чтобы занять место настоящей. Теперь Вера – узница в мире отражений, а её похитительница проживает её жизнь, день за днём стирая разницу между собой и своей жертвой. Чтобы выбраться, Вера должна заманить новую жертву. Но она уже знает, что это случится не в первый раз. Она помнит, как в детстве сама подошла к этому стеклу.

© Гремлина Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Старое трюмо

Глава 1

В магазине пахло пылью и временем. Не тем временем, что текуче и невесомо, но тем, что оседает слоями на бархате кресел, въедается в деревянные инкрустации комодов, застывает янтарём в трещинах фарфоровых ваз. Вера любила этот запах – он успокаивал, как запах церковного ладана успокаивает тех, кто давно перестал молиться. Здесь, среди чужих вещей, она чувствовала себя почти бесплотной: хранительница архивов, биограф безжизненных предметов, монахиня ордена утрат.

Магазин занимал первый этаж старого особняка. Окна выходили на север, и свет никогда не проникал сюда прямыми лучами – только рассеянный, сероватый, тот самый, что делает предметы одновременно отчётливыми и призрачными. Витрина, выходящая на улицу, была заставлена фарфоровыми куклами в кружевных платьях. Вера находила их утешительными: они никуда не спешили, они ждали.

Сердцем магазина было трюмо.

Оно стояло в глубине, в самой тёмной нише, куда покупательницы добирались не сразу. Резная рама из тёмного дерева, местами потемневшего почти до черноты, была украшена затейливой вязью: ветви, переплетённые с лентами, и на каждом завитке – крошечные цветы, похожие на звёзды. Когда Вера впервые увидела трюмо на распродаже имущества умершего антиквара, она не почувствовала ничего особенного – только обычное профессиональное любопытство. Хорошая работа, конец восемнадцатого века. Она купила его не раздумывая, задешево, потому что никто больше не хотел возиться с такой громоздкой вещью.

Трюмо было старым, но стекло его оставалось безупречным – ни единой мушки, ни единой царапины. Вера часто задерживалась перед ним по вечерам, когда покупатели уходили и наступала та особенная тишина, в которой каждый звук обретает вес. Она вглядывалась в своё отражение и видела женщину за пятьдесят – усталое, но не сдавшееся лицо, глаза, слишком много видевшие, чтобы удивляться, слишком мало любившие, чтобы жалеть. На висках – седина, на губах – складка многолетнего молчания. Она не искала в зеркале красоты, она искала подтверждения: я всё ещё здесь, я всё ещё цела.

Первая покупательница, которая заметила, что с зеркалом что-то неладно, пришла в октябре. Девушка, Вере показалось, что ей нет и двадцати, робко переступила порог, словно испугалась потревожить покой спящих вещей. Она долго бродила между стеллажами, касаясь кончиками пальцев кружевных воротников и бронзовых чернильниц, пока наконец не остановилась у трюмо.

– Можно померить? – спросила она, держа в руках шарф из тонкого шёлка, бледно-зелёного, как первая весенняя трава.

– Конечно, – ответила Вера, не поднимая головы от каталога.

Она услышала, как девушка подошла к трюмо, как зашуршал шёлк о платье. А потом – тишина. Та особенная тишина, которая наступает, когда человек смотрит в зеркало и видит в нём что-то, чего быть не должно.

Вера подняла глаза.

Девушка стояла неподвижно, руки застыли на шарфе, ещё не завязанном, ещё только приложенном к шее. Её лицо в зеркале было лицом той же девушки: те же глаза, тот же разрез губ, те же непослушные светлые волосы. Но улыбка. Улыбка была другой. В ней не было робости, не было неловкости – только насмешка, холодная и знающая, улыбка той, кто уже всё поняла про мир и давно перестала удивляться.

Девушка обернулась. – На её настоящем лице не было никакой улыбки.

– Странное зеркало, – сказала она, и голос её дрожал. – Оно... оно делает лицо каким-то не таким.

– Старое стекло, – ответила Вера. Голос её прозвучал ровно и буднично, как у того, кто привык объяснять необъяснимое. – Преломление света. В старых зеркалах часто есть небольшие искажения по краям.

Девушка кивнула. Она купила шарф, заплатила наличными и ушла, оставив после себя запах цветочных духов и лёгкое беспокойство, которое Вера списала на усталость глаз.

Вторая покупательница, которая заинтересовалась трюмо, пришла через неделю. Женщина лет сорока, с твёрдым взглядом и жёсткой линией рта, выбирала серебряный подсвечник. Подошла к трюмо мимоходом, посмотрелась мельком и застыла.

Вера наблюдала из-за прилавка. В зеркальном отражении лицо женщины сохраняло ту же твёрдость, но глаза – глаза были моложе. Не просто моложе, а иными: в них светилась та неистраченная надежда, которую Вера привыкла видеть только у очень юных, очень глупых созданий. Женщина в зеркале смотрела на мир так, будто он ещё не успел её предать.

– Это невозможно, – прошептала покупательница. Она провела рукой по лицу, будто стирая наваждение, но в зеркале её рука двигалась чуть медленнее, словно отражение получало команды с задержкой. – Я выгляжу... моложе.

– Старые зеркала, – начала было Вера, но женщина перебила:

– Нет. Это не моложе. Это – другая я. Та, какой я была...

Она не договорила. Купила подсвечник – не глядя, почти небрежно – и ушла, оставив на прилавке деньги, которые долго ещё хранили тепло её пальцев.

Третья покупательница была молодой, в дорогом пальто и с усталыми глазами той, кто слишком рано научилась притворяться. Она примеряла перед трюмо старинную с аметистом брошь, и Вера видела, как в зеркале брошь вспыхивала не фиолетовым, а кроваво-красным, и лицо женщины в отражении – то же лицо, но без маски, без притворства, откровенно злое, откровенно уставшее, откровенно готовое рвать и крушить.

– Жуткое зеркало, – сказала женщина и усмехнулась той самой усмешкой, которой не было на её лице. – Оно всё про меня знает.

Вера не ответила.

Каждый раз она находила объяснение: преломление света, неровности старого стекла, оптический обман, усталость, игра воображения. Но с каждой новой покупательницей объяснения становились тоньше, и Вера чувствовала, как между нею и трюмо натягивается нить, тонкая и прочная, как паутина. Ей казалось, что зеркало не искажает. Оно выбирает. Какая-то неведомая сила в глубине стекла пробегает по чертам лица, как пальцы по клавишам, и извлекает из личности ту ноту, ту версию человека, которая есть, но скрыта, спрятана, похоронена под слоями приличий и самообмана.

В тот вечер, когда ушла последняя покупательница, Вера осталась одна. Она заперла дверь, погасила верхний свет, оставив только одну свечу на прилавке. Пламя дрожало в сквозняке, и тени танцевали по стенам, по стеллажам, по лицам фарфоровых кукол, по резной раме трюмо.

Она подошла к зеркалу.

В стекле отражался прилавок со свечой, стеллажи с книгами, дальний угол с креслом. Всё было на месте. Всё было правильно.

Кроме неё самой.

Она стояла перед трюмо. Она знала, что стоит, чувствовала тяжесть собственного тела, слышала собственное дыхание, но в зеркале её отражение уже смотрело на неё. Смотрело чуть раньше, чем она успела шевельнуться. Лицо в стекле было её лицом – те же морщины у глаз, та же складка у губ. Но глаза. В глазах отражения не было усталости. Не было той спокойной,

выученной отстранённости, которую Вера носила как вторую кожу. В них была жажда. Холодная, голодная жажда – той, кто смотрит на мир изнутри стекла и знает, что мир снаружи – только иллюзия, только обещание, только приманка.

Вера попятилась. Ей показалось – или отражение качнулось в ту же сторону, но на долю мгновения позже?

Она задула свечу. В темноте трюмо стало просто чёрным прямоугольником, и Вера слышала собственное дыхание – слишком частое, слишком громкое в тишине магазина. Ей казалось, что из глубины стекла доносится эхо. Другого дыхания. Чужого. Но такого знакомого, такого родного, что мурашки побежали по спине.

– Глупости, – прошептала она в темноту. – Старое зеркало. Усталость. Глупости.

Но когда она наконец легла в постель, в маленькой комнате над магазином, когда закрыла глаза и попыталась уснуть, она увидела перед собой не тьму век, а ту самую улыбку – насмешливую, знающую, голодную. Улыбку собственного отражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.